
*КНИЖНАЯ
ПОЛКА* НОВОЕ ВРЕМЯ
В ЗЕРКАЛЕ «КАПИТАЛА»
(рецензия на книгу
А.В. Бузгалина и А.И. Колганова
«Глобальный капитал»)¹

Р.Н. Павлов

Появление двухтомной монографии А.В. Бузгалина и А.И. Колганова «Глобальный капитал», безусловно, является событием минувшего года, учитывая, что в ней, по сути, представлена попытка спроецировать образ мышления К. Маркса в период написания его главной книги на критическое переосмысление и попытку оценить события минувших десятилетий, ознаменовавших в России тот этап, который принято именовать «переходом к рынку».

Задача представляется действительно амбициозной, и хотя авторы уверяют, что они не берутся за ее решение, а ограничиваются более скромными целями, тем не менее по сути данная книга представляет собой именно «Капитал» К. Маркса для нового времени, т.е. с учетом тех явлений, которые Маркс никоим образом не мог предвидеть, поскольку трудно спрогнозировать стремительный рост разного рода технологий и того, как они внедряются в общественную жизнь и трансформируют не только образ жизни, но и образ мышления. Собственно говоря, главной заслугой авторов

© Павлов Р.Н., 2015 г.

¹ Глобальный капитал: В 2 т. Т. 1: Методология: По ту сторону позитивизма, постмодернизма и экономического империализма (Маркс re-loaded). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: URSS, 2015. 640 с.; Т. 2: Теория: Глобальная гегемония капитала и ее пределы («Капитал» re-loaded). Изд. 3-е, испр. и доп. М.: ЛЕНАНД, 2015. 912 с.

данной книги можно считать то, что они не только представили в ней анализ экономических явлений, но также рассмотрели явления в духовной сфере. В этом смысле она может оказаться своеобразным лекарством для «очищения» сознания от постоянного давления рыночных технологий, масс-медиа и прочих средств зомбирования и манипулирования общественным сознанием, которое мы постоянно наблюдаем и которое является составной частью сложившейся на сегодня *рыночноцентричной* (по выражению авторов) социально-экономической системы, причем не только в России, но и в мире (неслучайно книга называется «Глобальный капитал»).

Ключевой термин, который авторы чаще всего используют в этой книге, – *симулякр*. Он представляется наиболее удачным и емким термином для обозначения многообразных и превратных форм общественного бытия, порождаемых нынешней эпохой постиндустриализма. Эти явления характерны для финансовой сферы. Множество различных финансовых инструментов, которые являются предметом постоянных спекуляций на финансовом рынке, мультиплицируют свой превратный эффект путем выпуска производных ценных бумаг. В этом смысле они создают кумулятивный эффект бесполезности в экономике. Это происходит потому, что развитие, происходящее в отрыве от реального сектора, приводит к образованию финансовых пузырей, которые в дальнейшем наносят невосполнимый ущерб всей экономической системе в целом, примером чего является, в частности, мировой экономический кризис 2008 г.

Другой пример подобного рода – различные проявления процессов формирования ложных ценностей в духовной сфере, сфере культуры: формирование культа высоких технологий в ущерб созданию подлинно высокодуховных шедевров, произведений искусства; ложные представления о креативности, сводящиеся к производству незначительных и несущественных для общества инноваций, для которых главным и, пожалуй, единственным критерием является получение коммерческо-

го эффекта, а не создание общественно полезных благ.

Теория креативного класса подвергается авторами жесточайшей критике, что вполне обоснованно, учитывая, что она фактически искажает представление о творчестве как таковом, приравнивая труд креативного менеджера, создающего по сути не особо значительную с общественной точки зрения творческую продукцию, по сравнению с трудом учителя, формирующего в процессе обучения творческую атмосферу, но при этом рынок имеет явную тенденцию переоценивать труд первого и недооценивать усилия второго.

Особого внимания заслуживает раздел, посвященный анализу *креатосферы*, формирование которой становится особенно актуальным на фоне усиления тенденции коммерциализации культурной сферы и, как следствие, ее деградации в результате подчинения капиталу. Собственно говоря, данное обстоятельство также фигурирует у авторов как ключевое, объясняющее односторонность и ограниченность не только теории креативного капитала, но и теории социального и человеческого капитала. И с этим трудно не согласиться.

Особый интерес вызывает предлагаемая авторами периодизация основных этапов развития «позднего капитализма» в мире. По сути, выделяются четыре этапа данного процесса: классический капитализм (конец XVIII – XIX в.), империализм (конец XIX – первая половина XX в.), социал-реформизм (1950–1970-е гг.) и неолиберализм (с 1980-х гг.). Не оспаривая правомерность данной периодизации в целом, все же необходимо сделать несколько замечаний по поводу обоснованности выделения последнего этапа в качестве «монолитного» с точки зрения предполагаемой парадигмы. Безусловно, 1980-е гг. были ознаменованы ренессансом политики *laissez-faire*, а по сути – уходом государства из экономики в странах Западной Европы и США. Однако в странах Восточной Европы в этот период происходили другие процессы: это был этап открытия «железного занавеса» и последний этап противостояния миро-

вой социалистической системы (МСС), если следовать терминологии авторов, и мировой капиталистической системы (МКС), который закончился полным поражением первой. Поэтому здесь было бы целесообразно выделить промежуточный этап, а именно капитуляцию МСС на фоне относительных успехов МКС. Успех модели МКС в ее неолиберальном обличье в долгосрочной перспективе оказались, как мы знаем, иллюзорными, однако они сформировали «благоприятное впечатление» у младореформаторов 1990-х гг., которые поверили в вечный характер подобной модели, игнорируя при этом ее циклическую природу и постоянно возникающие кризисы, о которых писал Маркс. Это увлечение обернулось тупиковым для России и других стран бывшего социалистического лагеря путем. Однако предшествовал этому этапу «ревущих девяностых» (следуя определению Дж. Стиглица) этап разрушения прежней системы экономических отношений и становления новой, поэтому целесообразно было бы выделить его как переходный этап и назвать этапом капитуляции МСС в длительном процессе противостояния с МКС, поскольку фактически речь идет о поражении СССР в холодной войне (по крайней мере, в идеологическом плане). Вместе с тем сам этап неолиберализма, когда ему приписываются характеристики невмешательства государства в экономику для всего данного периода новейшей истории, также вызывает некоторое недоумение, поскольку в период президентства Б. Клинтона была предпринята попытка в какой-то степени восстановить баланс между государственным регулированием и автономией рынка, утраченный за периоды президентства Р. Рейгана и Дж. Буша-старшего. Вот что об этом пишет Дж. Стиглиц, который в тот период входил в состав Экономического совета при Президенте Клинтоне: «Мы знали, что необходима иная и более широкая роль государства, что нужно уделить большее внимание бедности и обеспечить образование и социальную защиту для всех; что следует усилить защиту окружающей среды. Близорукая сосредоточенность на финансах и

бюджетном дефиците вынудила нас отложить в сторону эти пункты нашей программы»². Тем не менее он признает, что какие-то преобразования в этих сферах им сделать удалось. «Наша задача заключалась в том, чтобы найти подходящий средний курс и приспособить систему регулирования к изменениям, происходившим в стране. Нам не следовало много рассуждать о дерегулировании, а вместо этого найти правильную основу системы регулирования. В некоторых областях нам это удалось; но зато в других нас захлестнула волна дерегулирования, увлекли лозунги свободы бизнеса»³. Несмотря на то что эти попытки выглядят неудачными и, к сожалению, не сказываются положительно на общем контексте, факт остается фактом: попытки восстановить регулиующую роль государства в тот период предпринимались, и это также необходимо отметить.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что авторы справедливо отмечают нарастающие тенденции развития пострыночных отношений, т.е. таких, которые предполагают акцент на принципах солидарности, вопреки общей тенденции максимизировать прибыль и конкуренции. Авторы приводят разного рода примеры подобного взаимодействия общественных сил, но при этом упускают из виду такое активно развивающееся в последние годы явление, как социальное предпринимательство, которое по всем признакам относится авторами к так называемым пострыночным отношениям, прекрасно вписывается в эту картину, поскольку оно предполагает максимизацию социального эффекта, а не обогащение представителей корпоративного капитала. Основная доля прибыли, которую получают социальные предприятия, направляется на реализацию дальнейших проектов, которые данные субъекты хозяйственной деятельности в дальнейшем планируют осу-

² Стиглиц Дж.Ю. Ревущие девяностые: смена развала. М.: Современная экономика и право, 2005. С. 31.

³ Там же. С. 25.

ществить. Среди множества организационно-правовых форм подобных предприятий наиболее типичными являются кооперативы, которые авторы упоминают в качестве возможной формы проявления пострыночных отношений.

Композиция книги не случайно предполагает двухтомную структуру, поскольку таким образом отдельно рассматривается методология исследования, которая действительно весьма обширна, и ее невозможно описать в двух словах: она строится на контрапункте с методологией позитивизма и постмодернизма, которые являются объектом довольно суровой и вполне обоснованной критики, и именно в результате такого антагонизма и выделения преимуществ марксистского подхода и рождается та методология, которая используется уже во втором томе для полноценного анализа. Сказать, что это системный подход, недостаточно, его тут смело можно назвать сверхсистемным, поскольку он выходит за рамки узких, по мнению авторов, но имеющих свою систему (пусть и своеобразную) экономических теорий: будь то институционализм, постмодернизм или пресловутый мейнстрим. В этом смысле то, что авторы вырываются за рамки каждого из перечисленных подходов и ищут более широкие основы для методологии, учитывающие массу аспектов, которые последние не могут отразить, вызывает огромное уважение к данной работе. В этом смысле это исследование открывает некое пятое измерение социально-экономических процессов, если считать четырьмя предыдущими соответственно макро-, микро-, мезоэкономику и институциональную теорию. Данное измерение имеет ярко выраженную политэкономическую природу, уходящую корнями в марксизм, но при этом оно также имеет синтетический характер, поскольку включает элементы культурологического, философского и даже исторического подходов. Подобная синергия вполне оправдана, поскольку существующий в настоящее время методологический кризис в некоторых общественных науках, особенно в экономической, проявив-

шийся в повальном увлечении постмодернизмом, показал ошибочность изначально выбранных методологических позиций, утрату системности, свойственной диалектическому подходу, и неспособность найти адекватную замену последнему после сжигания марксизма как объекта поклонения при переходе к новой эре.

В заключение хотелось бы особо отметить, что данная книга вышла в сложный период: наблюдается, с одной стороны, усиление имперских позиций России на международной арене, с другой – в мировоззренческой сфере – попытка утверждения постмодернистской идеологии, которую, с легкой руки авторов, можно было бы охарактеризовать как задачу утверждения представления о симулякрах в общественном сознании как о главных ценностях, к которым необходимо стремиться путем постоянного манипулятивного влияния через средства массовой информации и другие каналы воздействия на потребителей.

Современному обществу необходимо отрезвление от влияния подобных идеологических атак, формирующих превратное представление о целях, механизмах и законах общественного развития, исходящих от доминирования интересов корпоративного капитала практически во всех сферах.

Данная книга как раз позволяет трезво взглянуть на тенденции современного социально-экономического развития в более широком контексте. И в этом смысле она не только подобна известной сказке о голом короле, но и напоминает появление знаменитого «Философического письма» П.Я. Чаадаева в период николаевской реакции, призывавшего задуматься над правотой проводимой тогда в стране государственной политики. Аналогия здесь не случайна: по эффекту своего воздействия данная книга может оказаться не менее значительной. В условиях радикализации либерализма в России она может пролить свет на многие обстоятельства, которые сознательно или неосознанно упускают из виду нынешние государственные деятели.